

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ 1986

Сборник статей

Ответственный редактор
Л. С. ЧИКОЛИНИ

Москва
«НАУКА»
1986

В сборник включены статьи по актуальным проблемам истории социалистической мысли — от эпохи Возрождения и Реформации до второй половины XIX в. В них показано значение трудов Ф. Энгельса для развития марксистской историографии общественной мысли, а также многообразие социалистических исканий в Западной Европе и России. Большой раздел составляют статьи, написанные к 450-летию со дня кончины Т. Мора, в которых рассматриваются малоизученные вопросы его творчества

Редакционная коллегия:

Л. С. ЧИКОЛИНИ (ответственный редактор),
В. М. ВОЛОДАРСКИЙ (ответственный секретарь),
Л. Н. ГОЛЬМАН, Н. Ю. КОЛШИНСКИЙ, В. А. МАЛИНИН,
Т. А. ПАВЛОВА, Н. Б. ТЕР-АКОПЯН, А. Э. ШТЕКЛИ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011-2013*

		СТАТЬИ
Н. Б. Тер-Акопян	К истории термина и понятия «первобытный коммунизм»	3
Л. С. Чиколини	Социальная утопия как явление общественной мысли в переходную от феодализма к капитализму эпоху	26
Н. Г. Федоровский	К вопросу о классовой сущности лассальянства	49
Г. И. Романов	Социалистические искания В. А. Милютина	74
К. М. Андерсон	Оуэнисты и Ирландия	96
Т. А. Павлова	Рантеры и Уинстэнли	113
В. М. Володарский	Утопия Ганса Гергота	134
В. Д. Балакин	Общественное воспитание в социальной утопии Андреэ	154
А. Э. Штекли	«Досуг во Фландрии» и создание «Утопии» (К критике господствующей текстологической концепции)	174
О. Ф. Кудрявцев	Ренессансная апология наслаждения (К прочтению некоторых мест «Утопии» Томаса Мора)	197
		ИСТОРИОГРАФИЯ
В. Н. Ильин	О средневековом «социализме» (К критике концепции К. Каутского)	229
Т. Н. Самсонова	Об изучении «Утопии» Томаса Мора в новейшей буржуазной историографии	251
		ПУБЛИКАЦИИ
М. К. Трофимова	Утопия Евгемера Вступ. ст., публ. и пер. с древнегреч.	266
А. Э. Штекли	Вильгельм Циммерман о движении Ганса Бёхайма Введение и пер. с нем.	282

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

Оуэнисты и Ирландия

18 марта 1823 г. дублинское общество пребывало в некотором возбуждении. «С самого раннего утра экипажи теснились у входов в Ротонду,— сообщал безвестный хроникер,— а Круглый зал был переполнен дамами и джентльменами, собравшимися в невиданном количестве»¹. Ожидали выступления Роберта Оуэна. Одних влекло любопытство, желание взглянуть на знаменитого ньюлэнаркского филантропа, «скандально» известного своими нападками на религию. Другие надеялись узнать нечто такое, что помогло бы избавить «остров уязвленный», как называл его Шелли, от тяжких невзгод и бед, которых за первые два десятилетия нового века не стало меньше.

Ко времени приезда Оуэна в Ирландию драматические события конца XVIII в.— расправа с «Объединенными ирландцами», восстание 1798 г., заговор Р. Эммета — уходили в область преданий. Угроза истребления огнем и мечом по-прежнему висела над ирландцами. Но все осязаемое становилось угрозой уничтожения бескровного, но тем не менее ужасного лишения средств к существованию. Неокрепшая ирландская промышленность после унии 1801 г. была раздавлена конкуренцией своего соседа. Перед разорившимися ремесленниками и оставшимися не у дел рабочими открывались два пути — эмиграция или возвращение к земледелию. Эмигрировать значило обречь себя на тяжелую и грязную работу за самое жалкое вознаграждение, от которого отказался бы последний английский паупер. Стать арендатором значило отдать себя целиком и полностью на произвол посредника, безнаказанно грабившего крестьян. Но взять в аренду клочок земли даже на кабальных условиях оказывалось весьма непросто. Слишком много было нуждающихся. «У народа,— писал Маркс,— оставался единственный выбор — либо аренда земли за любую арендную плату, либо голодная смерть»².

В начале XIX в. Англия тоже переживала тяжелые времена. Промышленный переворот и порожденная им крайняя нищета масс были главной темой английских публицистов той поры. Но в сравнении с Ирландией Англия могла считаться благополучной страной. «До сих пор я не представлял себе, в какой нищете живут люди. Дублинская беднота несомненно самая жалкая из всех. В узких улочках гнездятся тысячи — сплошная масса копошающейся

грязи», — говорил о своих первых ирландских впечатлениях Перси Шелли, посетивший страну в 1812 г.³

Если в городах нищета перемежалась с роскошью, то сельская Ирландия, особенно юг страны, являла собой сплошную грущобу. Невообразимое бездорожье, безлесые пригорки, рассеченные каменными перегородами на крохотные наделы; земляные лачуги без окон, похожие на «крошечные холмики, раздавленные ногой прохожего»⁴, не имеющие иных внутренних убранств, кроме деревянного лежака и некоего подобия очага, дым от которого выходил в дверь; босые, одетые в отрепья обитатели этих жилищ, не знакомые с иной пищей, кроме картофеля, и ведающие лишь одну заботу — выжить. Иностранцы искренне поражались тому, что люди способны сносить подобные лишения. «Англичанин не прожил бы и недели в той нищете, в какой вынуждены жить ирландцы», — с полной убежденностью сказал одному путешественнику его собеседник⁵.

Поистине бесподобную жизнестойкость ирландцев зачастую превращали в обвинение против них самих: нормальные люди не в силах выдержать такого существования, ирландцы выносят, следовательно, они не люди. Подобный «силлогизм» не редкость в рассуждениях многих политиков и публицистов той эпохи. К примеру, Т. Мальтус призывал не вводить в Ирландии системы помощи бедным. Она бессмысленна, убеждал он, ибо ирландцы настолько деградировавшая нация, что их скорее следует считать животными, чем людьми⁶.

Искусственно создаваемый образ «презренного» народа, полнейшее невежество большинства англичан во всем, что касалось Ирландии, позволяли правящим классам нещадно грабить остров, оставаясь чуть ли не героями в глазах общественного мнения. На чью-либо помощь ирландцам рассчитывать не приходилось. В стране не действовали законы о бедных, британское правительство, в полной мере руководствуясь принципом *laissez-faire*, ничего не предпринимало для облегчения участи народа. Местная знать, по преимуществу протестанты, сочувствовала оранжистам и видела в ирландцах-католиках своих заклятых врагов. Конечно, существовала немногочисленная католическая аристократия, владевшая огромными состояниями. Но ее патриотизм просыпался лишь в тех случаях, когда речь шла о ее собственных интересах. Алексис Токвиль, умный и пристальный наблюдатель, во время своей поездки по Ирландии спросил деревенского священника-католика, есть ли разница в отношении к крестьянам между помещиками-протестантами и помещиками-католиками. «Никакой», — последовал ответ, — католики и протестанты угнетают народ одинаково. Стоит католику превратиться в крупного собственника, как он пускает в ход любые средства, чтобы увеличить свое богатство за счет бедных»⁷.

³ Шелли П. Б. Письма. Статьи. Фрагменты. М., 1972, с. 71.

⁴ Tocqueville A. Oeuvres complètes. P., 1958, vol. 5, p. 137.

⁵ Ibid, p. 107.

⁶ Inglis B. Poverty and Industrial Revolution. L., 1972, p. 275.

⁷ Tocqueville A. Op. cit., p. 142.

¹ New Moral World, 1843, July 29

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 471—472.

Если власть имущие в Великобритании оставались безучастными к бедствиям ирландцев, то люди прогрессивные и просто честные и сострадательные пытались помочь им. В начале прошлого века, во многом благодаря романам Марии Эджворт⁸, стихотворениям Шелли и Томаса Мура, англичане открыли для себя Ирландию, самобытность ее народа, измученного, но стойкого. И хотя поэты пробили лишь небольшую брешь в стене предрассудков, опутавших «зеленый остров», интерес к нему возрос и, как следствие, начали во множестве появляться проекты его спасения⁹.

Не оставались безучастными к судьбам Эйре и последователи великого социалиста-утописта Роберта Оуэна. Бесспорно, их успехи в этой стране были гораздо скромнее, чем в Англии. Но можно ли согласиться с авторами, утверждающими будто оуэнизм не оставил следа в ее истории¹⁰?

В Ирландии, как ни в одной другой стране, прошлое тесно вплетается в современную политическую борьбу¹¹. В начале XX в. оуэнистские эксперименты в Эйре, к тому времени основательно позабытые, вновь оказались предметом дискуссий. Буржуазные националисты доказывали, что социализм чужероден характеру ирландцев. Им возражал Джеймс Конноли, ссылаясь на удачные опыты оуэнистов. Именно они, считал Конноли, положили начало истории ирландского социализма¹².

Обратимся же к событиям, которые, по мнению Конноли, стали прологом социалистического движения на «зеленом острове».

«Я пришел к вам с единственным желанием найти причины ваших бедствий и, если возможно, устранить их», — заявил Оуэн в «Обращении к знати, землевладельцам и жителям Ирландии», опубликованном вскоре после приезда в страну и как бы предварившем его публичные выступления¹³. Что привело Оуэна в Ирландию? Мы вправе лишь строить догадки. Бесспорно, Оуэн желал помочь ирландцам, верил, что поможет, и знал как. В Ирландии он надеялся обрести родину для будущей первой общины, с которой связывал многие свои чаяния. До сих пор его обращения к парламенту, подписные листы и увещание крупных землевладельцев были безуспешны. Неурожайный 1822 г. и голод, казалось бы, должны были сделать ирландцев более восприимчивыми к истинам, открытым им Робертом Оуэном.

Он несколько грешил против правды, говоря ирландцам, что намерен искать причины их несчастий. Ему они были известны давно. Неразумность общественных систем — беда всех народов. Ирландия еще одно веское доказательство пагубности социальной несправед-

⁸ См. высказывания по этому поводу Вальтера Скотта в кн.: Эджворт М. Замок Рэкрент. М., 1982, с. 298.

⁹ Crump S. An Essay for the Best Means of Providing Employment of Poor in Ireland. L., 1823.

¹⁰ Podmore F. R. Owen. L., 1905; Cole G. D. H. Life of R. Owen. L., 1925; Booth A. R. Owen, the Founder of Socialism in England. L., 1864.

¹¹ Goldring M. L'Irlande: Idéologie d'une Révolution Nationale. P., 1975.

¹² См.: Конноли Д. Рабочий класс в истории Ирландии. М., 1969.

¹³ New Moral World, 1843, June 29.

ливости, царящей в мире. «Ни один человек, — замечал Оуэн, — наблюдавший то зрелище, которое представляет собой южная Ирландия, не может не прийти к выводу: в существующей системе нет ничего, что не заслуживало бы коренных изменений»¹⁴. Недуг Эйре — это недуг всемирный. А следовательно, с его точки зрения, средство исцеления едино для Англии, для Ирландии и любой другой страны. Поэтому, выступая в Дублине в 1823 г., он почти в неизменном виде преподносит слушателям все важнейшие положения своего «Доклада графству Лэнарк» о влиянии обстоятельств на характер человека, об общине как наилучшей форме организации общества, о естественном мериле стоимости¹⁵.

Читая дублинские речи Оуэна, невольно поддаешься впечатлению, что он был несведущ в политической обстановке Ирландии. Эмансипация католиков, абсентизм, субаренда и другие немаловажные стороны жизни острова ускользнули от его внимания. Дело, однако, не в неосведомленности Оуэна. Подобные вопросы были в его понимании второстепенными, своего рода деревьями, скрывающими лес. Первооснова всех бед — неразумность существующего строя. По ее вине люди становятся невежественными и несчастными, природа человека извращается и уродуется. Соперничество, порожденное корыстолюбивыми интересами, затуманивает сознание людей религиозными, национальными, классовыми и партийными предрассудками¹⁶. В новом разумном обществе человек исцелится от заблуждений, его природа очистится от всего наносного, он станет мудрым, счастливым, доброжелательным.

Всемирный переворот близок, утверждал Оуэн. «Мир знает и чувствует существующее сейчас зло, он рассмотрит новый, предложенный теперь порядок вещей, одобрит его, пожелает этой перемены и все будет сделано»¹⁷. Все силы и помыслы людей должны быть направлены к сей великой цели. Отбросьте надуманные разногласия — национальные, религиозные, партийные, «объединитесь во имя переустройства мира на началах социальной справедливости», призывал Оуэн.

Нация, класс, религия — заблуждения с точки зрения видевшегося ему нового мира, противоположного нынешнему. Но в жизни они существуют. Предлагая отрешиться от них, Оуэн порой принимал желаемое за действительное. Поэтому, вступаясь за угнетенных, он в то же время увещевал их не ссориться с угнетателями. Противник порабощения одних народов другими, он не одобрял освободительной борьбы.

Подобная противоречивость оуэнизма приводила к двойным последствиям. Учение Оуэна помогало сближению англичан и ирландцев. Но, обходя стороной столь важный для Ирландии национальный вопрос, Оуэн терял многих потенциальных союзников. Впрочем, в 1823 г., когда оуэнизм лишь начинал прокладывать себе

¹⁴ Ibid., Sept. 23.

¹⁵ Report... Explanatory of Mr. Owen's Plan for Relief of Ireland. Dublin, 1823.

¹⁶ Оуэн Р. Описание ряда бед и заблуждений. — Избр. соч. М., 1950, т. 1, с. 143.

¹⁷ Там же, с. 141—142.

дорогу на острове, эта его слабость была почти незаметна. В те годы лозунгом освободительной борьбы ирландцев была эмансипация католиков. Ратуя за свободу совести, Оуэн тем самым поддерживал их требование.

Первые выступления в Дублине, казалось, предвещали Оуэну успех. Разумеется, не обошлось без критики, порой похожей на брань. Как и в Англии, особенно усердствовали церковники, обвинявшие его в безбожии¹⁸. Все же сочувствующих Оуэну было больше. Когда, завершив одну из своих речей, Оуэн предложил собрать средства на создание общины, председательский стол, по словам очевидцев, был буквально завален деньгами. Распоряжаться ими поручили вновь учрежденному Ибернийскому филантропическому обществу. В его списках значилось немало именитой публики: лорд Клонкэрри, адвокат Флуд, генерал Браун, герцог Лейнстер, католический архиепископ Мэррей. Вполне вероятно, что ими двигало искреннее патриотическое чувство, ибо все они участвовали в освободительном движении конца XVIII в., а некоторые даже подвергались гонениям. Бедствия родины трогали их, они были бы рады приютить нищих и бездомных в оуэновских общинах, тем более что Оуэн сулил максимальные выгоды при минимальных затратах. Однако ломать всю существующую систему, как того требовал Оуэн, они не собирались. Его убежденность в своей правоте, в способности разрешить проблемы острова на краткий миг зажигала слушателей. Поддавшись личному обаянию Оуэна, аудиторы, состоявшая в основном из фабрикантов и землевладельцев, могла раскрыть свои кошельки, но не могла проникнуться идеей социального равенства. Не просуществовав и года, Ибернийское общество распалось, успев опубликовать речи Оуэна и собрать по подписке некую сумму. Из тех, кто слушал его в Дублине в 1823 г., лишь трое — Джон Ванделер, Уильям Томпсон и Р. О'Брайен — появляются на последующих страницах истории оуэнизма в Ирландии.

Все же мы не вправе говорить о неуспехе Оуэна. Он первым обосновал необходимость и возможность социального переустройства страны¹⁹. Сторонники его идеи нашлись и в Эйре. Правда не среди тех, к кому взывал Оуэн, а среди трудящихся острова.

Когда заходит речь о деятельности ирландских последователей Оуэна, историк оказывается в немалом затруднении, пытаясь найти ей подходящее определение. Была ли она провинциальной копией оуэнизма метрополии? Или же уместнее говорить об ирландском движении оуэнистов? В поисках ответа обратимся к хронике оуэнизма в Эйре.

Распространение учения на острове внешне шло по тем же канонам, что и в других частях Соединенного королевства. В 1824 г. были отменены законы, преследовавшие организации трудящихся.

¹⁸ New Moral World, 1843, Aug. 19.

¹⁹ В работе «Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельс писал о дублинских речах Оуэна: «...в 1823 г. Оуэн составил проект устранения ирландской нищеты путем создания коммунистических колоний» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 200).

Рабочее движение обрело некоторую свободу. Возрождались трудюнионизм, ранее загнанный репрессиями в подполье. Создают свои организации приверженцы Оуэна. В Ирландии их общества возникают в 1826 г. в Дублине и Корке. Руководили ими отставной капитан Р. О'Брайен и помещик У. Томпсон. Вскоре еще в нескольких городах появились организации оуэнистов.

Подобно своим английским единомышленникам, ирландские оуэнисты верили, что путь к обновлению мира лежит через общину или, по оуэнистской терминологии, через «поселок единения и сотрудничества (cooperation)». Ученики Оуэна именовали себя «кооператорами», т. е. людьми, «работающими вместе во имя счастья каждого на условиях полного равенства», пояснял ирландский оуэнист, врач из Белфаста Генри Маккормак²⁰.

Мечтая о скором учреждении «поселка единения», ирландские кооператоры были далеки от беспочвенного прожектерства. Ведь их чаяния уже воплощались зримо. «Орбистон» в Шотландии и «Новая Гармония» в Америке отмечали в 1826 г. первую годовщину своего существования. Разумеется, не все трудности были позади, в жизни общин хватало неурядиц. Но кто мог требовать немедленного совершенства от начинания, столь беспримерного? Оуэнисты, которым, как упомянутому О'Брайену, посчастливилось побывать в общинах, не сомневались в конечном успехе.

В 1820-е годы пример «Орбистона» и «Гармонии» воодушевлял тех, кто шел за Оуэном. Не являлись исключением и его ирландские ученики. Их помыслы были устремлены к созданию собственных общин. Конечно, им противостало немало преград, но все они выглядели преодолимыми. Энтузиазма было не занимать. Требовались лишь земля и деньги. Землю можно купить, благо в Ирландии хватало необрабатываемых пустошей. Сложнее обстоит дело с деньгами. Роберт Оуэн, питавший склонность к скрупулезным подсчетам, утверждал, что устройство общины на 1200 человек, а по его убеждению именно такого наилучшая численность поселка, обойдется в 100 тыс. ф. ст.! Сумма огромная, почти равная стоимости столь крупного и процветающего предприятия, как ньюлэнаркская фабрика. Правда, «Орбистон» и «Гармония» не вполне соответствовали смете Оуэна. Американская община стоила ему 30 тыс. ф. ст.²¹, а шотландские оуэнисты затратили на свой опыт около 25 тыс. ф. ст. Но и такая сумма была непомерно велика для ремесленников и рабочих, составлявших кооперативные общества. Уповать на заем или пожертвования богатых благожелателей? У. Томпсон не исключал, что среди имущих отыщутся люди, желающие порвать с паразитическим образом жизни и «примкнуть к системе всеобщей справедливости и счастья»²². Надежда более чем призрачная. Бесспорно, встречались подвижники, готовые, подобно

²⁰ McCormac H. Words of Wisdom, Addressed to the Working Classes. Armagh, 1830, p. 11.

²¹ Кол Д. Г. Роберт Оуэн. М., 1931, с. 140.

²² Цит. по: Holyoake J. J. History of Co-operation: 2 Vol. L., 1875—1877, vol. 1, p. 16—17.

Оуэну, основателю «Орбистона» А. Комбу или самому Томпсону, отдать все свое состояние ради достижения великих идеалов. Но их было ничтожно мало. Впрочем, многие кооператоры начисто отвергали всякую мысль о покровительстве и помощи имущих. Благодарительность хозяев неминуемо обернется против рабочих, утверждал Г. Маккормак в своей книге «Слова мудрости, обращенные к рабочим классам»²³.

То, что собственники наживают свои состояния несправедливым путем, было для оуэнистов неоспоримой истиной. Она была занесена У. Томпсоном в устав Коркского общества²⁴. Ее проповедовал Маккормак: «Богатства мира сего находятся в руках тех, кто их не создавал»²⁵. Казалось бы, трудящиеся, творцы земных благ, вправе требовать возвращения отнятого у них. Однако логика оуэнизма вела к иному умозаключению. Человек — продукт обстоятельств, гласила первейшая заповедь Оуэна. Люди не ответственны за свои деяния. Герой не заслуживает почестей, равно как негодяй — осуждения. И подвиг, и преступления порождены условиями, в которых человек рос и воспитывался. Стало быть, капиталист, обделяющий рабочих, безвиновен. Так мыслили оуэнисты. В «Словах мудрости» Маккормак сравнивал трудящихся с проигравшимися игроками, а хозяев — с их более везучими партнерами. Силой отбирать проигранное — бесчестно. Можно лишь выйти из игры²⁶.

Но как это сделать? Выход подсказывало оуэнистское толкование теории Д. Рикардо. В его свете все становилось до крайности простым и ясным. Труд — источник всех богатств. Рабочие — единственные владельцы сего источника. Следовательно, нет нужды в ранее созданных богатствах, ибо трудящиеся могут произвести для себя новые. Томпсон, Маккормак и другие оуэнистские публицисты подкрепляли свои рассуждения деловыми советами. Прежде всего надо приступить к работе на себя, а не хозяина. В этом труженникам поможет взаимное сотрудничество, иначе — «кооперация». Она, пояснил Томпсон, «есть добровольное объединение трудящихся, или производящих классов, достаточно многочисленное, чтобы обеспечить рынок сбыта для продуктов, производимых друг для друга в целях взаимного удовлетворения своих наиболее насущных потребностей»²⁷.

Иными словами, оуэнистские теоретики предлагали создавать потребительские и производственные товарищества, сходные с так называемыми «обществами взаимопомощи» (friendly societies), существовавшими в Ирландии и Англии еще в конце XVIII в. Однако оуэнисты видели в них не самоцель, а лишь ступеньки восхождения к общине. Продавая друг другу свои изделия, кооператоры откладывали бы прибыль в общий фонд. Скопив достаточную

сумму, они открыли бы собственное производство. Доход от него, а также еженедельные взносы составили бы со временем средства, необходимые для учреждения общины. Путь довольно долгий, но, с точки зрения кооператоров, более верный, нежели упование на милость высших классов. Конечно, прибыль от товарищества вряд ли когда-нибудь достигнет той шестизначной цифры, на которой настаивал Оуэн. Но его ученики и не собирались строить многолюдные общины. 100 человек будет вполне достаточно для жизнедеятельности поселка, считал Маккормак²⁸.

Дублинские речи Оуэна и книги Томпсона и Маккормака разделяют какие-нибудь пять—семь лет. Но сколь велико различие между ними. Беспомощные, невежественные рабочие — у Оуэна, соль земли, преобразователи мира — у его учеников. Взывание к великодушью и щедрости имущих — у первого, неприятие показной благотворительности хозяев — у вторых. Оуэновское видение сердечного согласия высших классов и труженников — и утверждение Томпсона: «Большинство общины должны составлять трудящиеся. Если этого нет, не может быть кооперативной общины»²⁹. Невольно напрашивается вопрос: вправе ли мы именовать Томпсона, Маккормака и тех ирландцев и англичан, кто мыслил сходным образом, учениками Оуэна? Несомненно, они были его учениками, но не из тех, кто заучивает как заклинание однажды услышанные истины, а одаренными, пытливыми, способными дополнить учителя.

Те несколько лет, которые Оуэн провел в Америке, многое изменили в жизни Соединенного королевства. Движения трудящихся переживали подъем. Разворачивалась борьба радикалов. Крепли тред-юнионы. Вместо единичных приверженцев оуэнизм располагал теперь тысячами сторонников. Родоначальник учения не сразу увидел эти перемены, зато они происходили на глазах его учеников. Они не переиначивали оуэнизм, но приблизили его к запросам и чаяниям тех слоев, которые острее всего нуждались в социальных преобразованиях. Как и Оуэн, они верили в необходимость переустройства общества. «При нынешнем состоянии общества,— писал Маккормак,— большая часть человечества не может достичь иного положения, чем оставаться слугами тех, кто живет их трудом»³⁰. Подобно Оуэну, его последователи отвергали насильственное ниспровержение существующей социальной системы и видели в общине наилучшую форму устройства нового нравственного мира.

Ирландским оуэнистам было чуждо бездеятельное ожидание грядущих перемен. Немалые усилия затратили они, пытаясь построить свои «поселки единения». Порой казалось, что они уже находятся в преддверии общины. Дублинские кооператоры, собрав несколько тысяч фунтов стерлингов, подыскивают подходящее место для «поселка», уведомлял в 1829 г. своих читателей лондонский «Кооперативный журнал»³¹. Два года спустя, в начале 1831 г.,

²³ Maccormac H. Op. cit., p. 5.

²⁴ Co-operative Magazine, vol 1, p. 314.

²⁵ Maccormac H. Op. cit., p. 13.

²⁶ Ibid, p. 7.

²⁷ Thompson W. Practical Directions for Speedy and Economical Establishment of Communities. L., 1830, p. 34.

²⁸ Maccormac H. Op. cit., p. 3.

²⁹ Thompson W. Op. cit., p. 47.

³⁰ Maccormac H. Op. cit., p. 10.

³¹ Podmore F. Op. cit., p. 377.

глава ольстерских оуэнистов Д. Эмерсон сообщал Оуэну о близящемся дне основания общины. В 1833 г. сам Роберт Оуэн объезжает Ирландию, присматривая имение, удобное для осуществления его плана³².

Но обнадеживающие сообщения оказались преждевременными. Замыслы как ирландских, так и английских оуэнистов воплотить не удалось.

Все же община в Ирландии появилась, правда немного неоплачено для оуэнистов. Она строилась в соответствии с предначертаниями Оуэна, но была непохожа на предыдущие и последующие оуэнистские коммуны. Обитатели «Гармонии» и «Орбистона» принадлежали, как правило, к ревностным сторонникам английского социалиста-утописта. Участники «Сельскохозяйственной и промышленной ассоциации Ралахайн», так называлась новая община, были простыми ирландскими крестьянами, прежде не имевшими ни малейшего понятия ни об Оуэне, ни о его системе.

Предыстория «Ралахайн» несколько необычна. Ее главное действующее лицо — Джон Скотт Ванделер³³. Протестант, владелец двух крупных поместий в окрестностях Лимерика, он мало чем отличался от прочих ирландских лендлордов. Земли свои сдавал в аренду мелкими участками, а досуг посвящал охоте и картам, развлечениям, судя по романам М. Эджворт, обычным для людей его круга. Впрочем, он, видимо, не чуждался и умственных занятий, ибо в 1823 г. оказался в числе слушателей дублинских речей Оуэна. Более того, Ванделер до известной степени проникся его идеями и даже свел с ним знакомство. Но последователем не стал. Возможно, планы Оуэна казались ему лишь благими пожеланиями. Однако спустя несколько лет произошли события, заставившие его вспомнить об Оуэне.

Власть британской короны в Ирландии держалась на узаконенном насилии. Оградить себя от него ирландцы могли лишь ответным насилием. Тайные общества, нападения на помещичьи усадьбы, убийства наиболее ненавистных чиновников и посредников были обыденными явлениями ирландской жизни. Насилие не обшло стороной и владения Ванделера. Многие из его арендаторов принадлежали к террористическим союзам графства Клэр, таким, как «Терри Альте», «Белоногие», «Парни леди Клэр». Союзы постоянно давали о себе знать. Зимой 1829 г. был убит управляющий Ванделера, слывший человеком жестоким и бессердечным. Наступивший 1830 г. не принес спокойствия графству Клэр. Напротив, все огустнее становилось недовольство ирландцев десятиной, которую взимали с них в пользу чужой, англиканской церкви. Отданный на откупщикам, этот налог зачастую из одной десятой превращался в половину урожая. Назревал кризис, известный в литературе как война против десятины.

В случае необходимости Джон Ванделер мог рассчитывать на оружие английских солдат, но предпочел действовать иначе, решил последовать совету Оуэна и учредить общину. Скорее всего, в нем заговорил опытный игрок, сочетавший в себе азарт с трезвым расчетом. Создавая «поселок», он шел на риск, но в надежде на солидный выигрыш. Ванделер принялся за дело с основательностью свидетельствующей о серьезности его намерения: построил шесть коттеджей для семейных, возвел двухэтажное здание для холостяков, столовую, школу. Кроме того, пообещал предоставить к услугам поселенцев и близлежащий замок Ралахайн. К лету 1831 г. все было готово.

А несколькими месяцами раньше Ванделер нашел человека, способного возглавить новое предприятие. Его звали Эдмонд Крэйг. Тогда ему было 27 лет. Житель Манчестера, он кормился портняжным ремеслом, но снискал известность и как оуэнистский публицист, редактор газеты «Ланкаширский кооператор». Почему Ванделер остановил свой выбор на Крэйге, как произошло их знакомство — мы не знаем. В своих воспоминаниях Крэйг умалчивает об этом. Достоверно лишь то, что манчестерский оуэнист прежде бывал в Ирландии³⁴.

Вряд ли Крэйг до конца представлял себе все трудности, которые ожидали его в «Ралахайн». Если шедшие в «Орбистон» знали, куда и зачем они идут, то арендаторы Ванделера не понимали и поначалу не принимали затеи своего лендлорда³⁵. Похоже, наиболее веским доводом в пользу общины было недвусмысленное обещание Ванделера согнать с земли каждого, кто откажется в нее вступить. Первое время Крэйг с трудом находил с крестьянами общий язык в буквальном и переносном смысле слова. Он не знал гальского, они — английского. В Крэйге они видели чужака, принимали за правительственного шпиона, занимавшегося подозрительными приготовлениями. Помимо недоверия ирландцев, Крэйг встретил враждебность домашних Ванделера, воспротивившихся нововведению.

К чести Крэйга, он сумел обойти все препоны: выучил гальский язык, завоевал доверие крестьян, весьма толково организовал жизнь общины.

Памятуя о междоусобицах, то и дело вспыхивавших в «Гармонии» и «Орбистоне», Крэйг боялся, что раздоры и склоки в зародыше погубят его начинание. Но как уберечь общину от распри, как добиться столь необходимого доброжелательства и единодушия? Нашлось простое решение: каждого вступающего в ассоциацию обязали заручиться согласием остальных ее участников. Люди, которым предстояло жить в «Ралахайн», были давними соседями и хорошо знали друг друга. Снискавшему дурную славу или неприязнь путь в общину был заказан. Собрав будущих поселенцев, Крэйг устроил своего рода отборочный конкурс. 40 взрослых и 12 детей стали членами ассоциации.

³² Crisis, 1833, June 15.

³³ Джеймс Конноли в своей работе называет его Артуром Ванделером. Однако это ошибка. См.: *Pare W. Co-operative Agriculture*. L., 1870, p. 9.

³⁴ *Craig E. T. An Irish Commune: The History of Ralahine*. Dublin, 1920.

³⁵ Crisis, 1832, May 12.

Ее президентом, как того требовал закон, числился Ванделер. Альтруизм не был его отличительной чертой, и вводить новшества себе в убыток он не собирался. Земли и постройки оставались в его собственности. Правда, по замыслу, окрепнув, община могла их выкупить. А пока она владела ими на правах аренды и выплачивала внушительную ренту — около 900 ф. ст. ежегодно.

Крэйгу предстояло вести хозяйство «Ралахайн» таким образом, чтобы в накладе не оставались ни крестьяне, ни лендлорд. Впрочем, он не намеревался брать в руки все бразды правления. По его убеждению, человек способен совершить большее, действуя по своей воле, нежели по принуждению. По сути дела, общинники сами распоряжались своими делами. Ежедневно собирался выборный комитет, решавший насущные вопросы. Женщины принимали участие в управлении наравне с мужчинами. Имелась особая книга, в которую каждый мог занести любое предложение в уверенности, что его обсудят. По рассказам очевидцев, большинство предложений были весьма дельными, хотя исходили они от малограмотной ирландской бедноты.

Наименование ассоциации — *«сельскохозяйственная и промышленная»* (курсив наш. — Авт.) — может вызвать недоумение. В ней не было ни ремесленного, ни тем более машинного производства. Возможно, основатели «Ралахайн» мечтали в будущем обзавестись собственным предприятием? Маловероятно. По крайней мере, в программе ассоциации нет и намека на подобную надежду. Скорее всего, название лишь копия с оуэновского термина «сельскохозяйственные и промышленные поселки», т. е. общины³⁶. Земледелие и скотоводство были единственными занятиями обитателей «Ралахайн», причем велись они рутинными способами, типичными для Ирландии той поры. Судя по всему, Крэйг очень хотел воспользоваться новейшими достижениями техники, но для этого явно не хватало средств. Единственной машиной, которую смогла приобрести ассоциация, была жатка.

Труд обязан приносить радость. Эту истину отстаивал Оуэн. В нее верил Крэйг. Он ввел правило, которое неукоснительно соблюдалось: каждый вправе выбрать себе занятие по душе. На нерадивых воздействовали силой убеждения и личным примером. Джон Финч, оуэнист из Ливерпуля, побывавший в «Ралахайн» в 1832 г., поведал о том, как перевоспитали двух лентяев, поставив их работать рядом с людьми отменно трудолюбивыми.

Рабочий день в общине продолжался 11 часов. Напомним, что в Англии тех лет лишь детский труд законодательно ограничивался 13,5 час., а труд взрослых был нормирован только в 1847 г.! Общинники сами распределяли между собой работу и следили за ее выполнением.

Крэйг создавал «Ралахайн», мысленно обращаясь к изображенному Оуэном облику идеальной общины. Ее предназначенье — полное равенство и удовлетворение всех потребностей. Залог этого —

в общности имущества, совместном производстве и распределении, основанном на «естественном мериле стоимости» — труде. Таков идеал. Крэйг не был догматиком. Человек трезво мыслящий, он сознавал, что в малочисленной, слабой, наконец, единственной в стране общине подобный идеал недостижим. Совершенное равенство и изобилие — удел будущего. В настоящем можно лишь стремиться к ним. Поэтому Крэйг не пытался слепо следовать проекту Оуэна.

Участники ассоциации трудились совместно. Работа каждого оплачивалась особыми «трудовыми талонами», сообразно затраченному времени. По талонам общинник мог получить на складе предметы первой необходимости. Часть заработка отчислялась в общий фонд, который шел на освещение помещений, прачечную, обучение и одежду для детей, пособия больным. Позднее Крэйг вспоминал, что крестьяне очень быстро поняли преимущества «трудоных талонов». «Они не беспокоились о постоянной работе, — писал он, — заработка или ценах на продовольствие... Мы создали такое общество, которое обеспечивает всем безопасность, беспристрастность и справедливость»³⁷.

Жизнь в «Ралахайн» не сводилась к хозяйственным заботам. Как истинный оуэнист, Крэйг почитал невежество первейшим врагом нового нравственного мира. Эту веру он сумел передать своим подопечным. Взрослые охотно выслушивали лекции Крэйга, делившиеся с ними своими познаниями в естественных науках. Все дети посещали школу. В ассоциации не пренебрегали и нравственным совершенствованием. Вступая в общину, крестьяне поклялись отрешиться от прежних дурных привычек и, действительно, сумели от многих избавиться. Все посетители «Ралахайн» единодушно утверждали, что там не потребляют ни спиртного, ни табака, а язык очистился от забористых, но непечатных словечек. В чем секрет подобного преобразования? В хорошо известной преданности ирландцев однажды данному зароку? Или, может статься, Крэйг, обладая незаурядным педагогическим даром, сумел навести лоск на «темных» ирландских мужиков? Заслуги Крэйга несомненны. Но перемены в обыденных привычках, в поведении крестьян производил прежде всего новый уклад жизни. Один из общинников объяснял: «Раньше не к чему было работать больше или работать хорошо. На нас смотрели как на механизмы, и делом надсмотрщика было приводить нас в движение. Но теперь, когда наши интересы и наши обязанности стали совпадать, нам не нужно никаких надсмотрщиков»³⁸. Новое отношение к труду вызвало к жизни явление по тогдашним меркам невиданное: в страдную пору общинники добровольно работали сверх положенного времени.

Многое в «Ралахайн» обращало на себя внимание своей необычностью. Необычен был состав участников: не религиозные сектанты-фанатики, не ревностные адепты философских систем, а ирландцы из низов. Необычной была их самостоятельность: они дока-

³⁶ Оуэн Р. Указ. соч., с. 140.

³⁷ Цит. по: Коннолли Д. Указ. соч., с. 145.

³⁸ *Pare W Op cit.*, p. 20.

зали, что народ с успехом может обходиться без «наставников» из среды привилегированных сословий. «Ралахайн» была необычно мирным местом: война против десятины охватила всю округу, не задев течения жизни в общине. Необычным было отсутствие религиозной розни, хотя в общине обитали и католики, и протестанты. Наконец, после неудач «Гармонии» и «Орбистона» необычным казался сам успех общины. Неудивительно, что «Ралахайн» стала местом паломничества, как в свое время Нью-Лэнарк. Приезжали оуэнисты, в том числе и сам родоначальник учения. Одни из них стремились в «Ралахайн», чтобы рассказать об увиденном, другие — чтобы остаться. Наезжали филантропы, священники, политики, репортеры провинциальных и столичных газет. Община обрела славу, пережившую ее.

В конце XIX столетия история «Ралахайн» занимала столь далеких по своим взглядам людей, как Уильям Моррис и Дизраэли. Альфред Уоллес и Джеймс Конноли. Последнему принадлежат слова, как нельзя лучше объясняющие значение опыта «Ралахайн» для Ирландии. ««Ралахайн», — писал Конноли, — была ирландским звеном вопроса, воздвигнутым среди варварства капиталистической мысли и феодальной практики и напрасно требовавшим ответа от них обеих... Когда Ирландия будет полностью распоряжаться своей судьбой, она должна искать счастья для своего народа в распространении на национальной основе социальных порядков «Ралахайн»»³⁹.

Конец общины был таким же неожиданным, как и ее возникновение. Ванделер крупно проигрался в карты, его имущество пошло в молоток, а сам он уехал в Америку. Новый лендлорд не рискнул или не пожелал продолжать эксперимент, и в ноябре 1833 г. «Ралахайн» перестала существовать.

Летопись «Ралахайн» оборвалась на полуслове. Видимо, поэтому историки порой не могут устоять перед соблазном домыслить несбывшееся. Как долго еще продержалась бы община, не будь рокового стечения обстоятельств? Могли бы принципы ее устройства обеспечить ей вечное процветание? А может успех «Ралахайн» лишь в том, что она не дождала до неминуемой неудачи? Рассуждениям на подобные сюжеты изобилуют работы многих авторов (А. Бут Д. Д. Холиоук, С. Джаод). За их догадками зачастую просматривается недвусмысленный намек: «Ралахайн» была суждена долгая жизнь, ибо Крэйг не следовал предписаниям Оуэна и сумел избавиться от его визионерских мечтаний о равенстве.

Не будем гадать о возможной судьбе общины. Ясно одно: три года ей сопутствовал очевидный успех. В чем его секрет? Пожалуй, не погрешив против истины, можно признать, что Крэйг находился в более выгодном положении, нежели основатели других общин. Члены его ассоциации уступали обитателям «Орбистона» и «Гармонии» в знании оуэновской системы. Но зато они далеко превосходили в искусстве земледелия горожан, преобладавших в поселениях

Оуэна и Комба. Кстати, один оуэнист, клерк по профессии, вступив в «Ралахайн», быстро ее покинул, убедившись в своей непригодности к ремеслу землепашца. В общине Крэйга этот случай был единственным, чего нельзя сказать о других коммунах.

В известной мере успеху «Ралахайн» способствовали и некоторые национальные особенности Ирландии. К примеру, коллективная аренда, при которой лендлорд сдавал свои земли не отдельным арендаторам, а целым деревням, практиковалась на острове в начале прошлого века. Кроме того, в стране бытовали традиции, унаследованные от клановой системы. Вот что писал Джеймс Конноли о распространенном в сельской Ирландии обычае взаимопомощи: «Для ирландцев было довольно привычным зрелищем, когда все сельские жители собирались на постройку хижины кому-либо, оставшемуся без крова, для уборки урожая соседа, слишком слабого, чтобы справиться с этим самому, чтобы вскопать поле вдовы»⁴⁰. Неудивительно, что Крэйгу довольно легко удалось привить членам общины навыки совместного труда.

Завершая разговор о «Ралахайн», остановимся еще на одном вопросе: вправе ли мы причислять ирландский эксперимент к оуэнистским опытам? Его инициатор, Джон Ванделер, не был членом оуэнистских клубов. Его участники, за исключением Крэйга, тоже в них не состояли. Достоверно неизвестно — разделяли они взгляды Оуэна или нет. Наконец, Крэйг значительно отступил от оуэновского проекта.

Несомненно, расхождения между «Ассоциацией Ралахайн» и общиной из «Доклада графству Лэнарк» велики. Но не меньшие расхождения мы обнаружим, если сравним эталон общины с его воплощением в «Орбистоне» и «Новой Гармонии». Подлинная жизнь, в которой не все было так гладко, как в гипотетических построениях Оуэна, вносила поправки в его план. Дело, видимо, не в избыточном оптимизме Оуэна. Вынося свой план на суд публики, он изображал наилучшее, наиболее желаемое, стремясь ошеломить читателей картиной раскрывающихся перед ними возможностей. Но на практике ему приходилось считаться с обстановкой, идти на уступки, переназначив план. Крэйг тоже был вынужден изменить оуэновский вариант образцовой общины. Но он делал это, следуя духу, а в ряде случаев — и букве учения Оуэна. Община строилась и жила согласно принципам оуэнизма. И можно ли считать ее неоуэнистской лишь потому, что ее обитатели не относились к числу учеников английского социалиста-утописта? Разве Оуэн когда-нибудь предполагал заселять общины исключительно своими приверженцами, не допуская в них людей, не сведущих в его теории? На наш взгляд, не подлежит сомнению, что «Ралахайн», несмотря на все ее своеобразие, была одним из эпизодов истории оуэнизма в Ирландии, возможно самым ярким и драматичным.

Развитие оуэнистского движения изобиловало столькими поворотами, что нередко его изображают набором случайностей или от-

³⁹ Connolly J. Labour in Irish History. Dublin, 1910, p. 141, 143.

⁴⁰ Конноли Д. Указ. соч., с. 289—290.

ражением прихотей Р. Оуэна⁴¹; Расчет на помощь государства и имущих в 1810-е годы; попытка прошиковения в новый нравственный мир через общины кооператоров в 1820-е годы; в 1830-е годы — увлечение Рабочими базарами и гильдиями тред-юнионов. Однако в этой кажущейся непоследовательности есть своя логика. Изменения социально-экономической обстановки позволяли оуэнистам искать все новые пути к переустройству общества. Но видение строя будущего оставалось неизменным.

В начале 1830-х годов наибольшие перспективы, по мнению последователей Оуэна, сулило учреждение Банков честного обмена труда, иначе — Рабочих базаров. Смысл плана сводился к следующему. Банки должны были служить рынком сбыта для товаров, изготовленных кооперативами, общинами и гильдиями тред-юнионов. Таким образом, по мысли Оуэна, наряду с капиталистическим производством возникло бы иное, рабочее, которое со временем вытеснило бы первое. Замысел грандиозный, но, по убеждению оуэнистов, вполне осуществимый. В 1832 г. в Британии действовало около 500 кооперативных обществ, в которых состояло 20 тыс. человек⁴². Учение английского социалиста-утописта стало достоянием тред-юнионов и даже части радикалов. Казалось, что Оуэну удастся объединить всех тружеников Британии и подвинуть их на коренное преобразование существующего строя. Пропаганда оуэнизма велась с небывалым размахом. Оуэнистские брошюры вытесняли воскресные газеты, сетовал Д. С. Милль⁴³. По стране разъезжали «социальные миссионеры», проповедовавшие учение Оуэна и помогавшие созданию новых обществ и Базаров.

Устройством Банка в Ирландии занялся сам Оуэн. В июне 1833 г. он договорился об аренде помещения для Базара в центре Дублина. Дело лишь за деньгами, сообщал он. Однако вскоре выяснилось, что мешает не только отсутствие средств. «Я нашел, — писал Оуэн, — преждевременным чтение лекций по обмену труда в Дублине до тех пор, пока наши дела здесь не продвинулись вперед»⁴⁴. Другими словами, он признал, что Банк создавать не для кого. Слишком мало его последователей нашлось в столице Ирландии. В Белфасте и Корке работали местные «миссионерские советы». В Дублин же пришлось отправить миссионера из Англии Уильяма Пэйра. В конце 1833 г. он установил связи с редакторами ряда дублинских газет, отпечатал несколько сот экземпляров плакатов и листовок, разъяснявших суть Рабочих базаров, устроил несколько митингов⁴⁵. Этого оказалось недостаточно. Тогда Национальная ассоциация Банков честного обмена труда, центральный орган оуэнистов, постановила учредить особый фонд для агитации на острове. Но все усилия оказались безуспешными.

⁴¹ Garnett R. R. Owen and Community Experiments.— In: R. Owen, Prophet of the Poor. Lewisburg, 1971, p. 53.

⁴² Crisis, 1832, June 12; Holyoake J. J. History of Co-operation in England. Manchester, 1871, p. 5.

⁴³ См.: Уэбб С. и В. История рабочего движения в Англии. СПб., 1899, с. 107.

⁴⁴ Crisis, 1833, June 15.

⁴⁵ Ibid., Oct. 12.

Не оставила в Ирландии сколько-нибудь заметного следа и деятельность Великого национального союза производств — последнего и самого внушительного оуэнистского начинания 1830-х годов. Он объединял многие тред-юнионы и насчитывал до полумиллиона человек. Некоторые ирландские тред-юнионы, например обойщики Белфаста, хотели примкнуть к нему, но, видимо, не успели⁴⁶. В августе 1834 г. союз распался. Начинался кризис оуэнистского движения.

Может сложиться впечатление, что, начав с триумфа, оуэнизм с годами утрачивал свои позиции в Ирландии. В этом есть некоторая доля истины. Выступая противниками притесненной католиков, оуэнисты ратовали за их эмансипацию. А именно она была лозунгом ирландского национального движения до 1829 г. Но когда его главным требованием стало расторжение унии, оуэнисты отнеслись к нему более чем скептически, считая его бессмысленным и даже вредным⁴⁷. Естественно, это не способствовало их успеху в Эйре. Кроме того, в начале 1830-х годов рабочие организации острова подвергались преследованиям. Их вдохновителем был лидер буржуазных националистов Даниель О'Коннел, ранее выступавший себя защитником трудящихся. Эти обстоятельства сдерживали распространение оуэнизма в Эйре.

В сравнении с Англией достижения оуэнистов в Ирландии выглядят более чем скромными. Сотни обществ, десятки тысяч последователей в метрополии и несколько организаций на острове, в самой крупной из которых состояло 100 человек. В Ирландии выходила одна-единственная оуэнистская газета, в Англии — около 20. Может, причина в той пресловутой чужеродности социализма для Ирландии, о которой твердили оппоненты Коннолли? Однако национальный характер ни при чем. Если составить карту распространения оуэнизма в Англии, то окажется, что наибольшим влиянием он пользовался в крупнейших промышленных центрах — Лондоне, Манчестере, Бирмингеме, Ливерпуле, Глазго. Сельские районы на такой карте предстали бы белым пятном. Неудивительно, что в Ирландии, стране аграрной, оуэнизм нашел поддержку в основном среди рабочих промышленного Ольстера.

Воздействие оуэнизма на жизнь острова было не столь явным, как в Англии. Но вряд ли стоит судить о нем по числу обществ или числу их участников. Идеи Оуэна заставили многих ирландцев по-иному взглянуть на бедствия своей родины, понять необходимость социальных преобразований. Оуэнизм дал толчок к зарождению социалистической мысли Эйре. У. Томпсон, Г. Маккормак, Р. О'Брайен, их единомышленники были учениками Оуэна, но в то же время и пионерами утопического социализма Ирландии. И хотя их труды не увенчались немедленным успехом, они подготовили почву для последующих движений ирландских рабочих.

К числу бесспорных заслуг оуэнистов относится их борьба за сплочение ирландских и английских трудящихся. Примером подобного сплочения были организации оуэнистов. Р. О'Брайен, глава

⁴⁶ Webb S., Webb B. History of Trade Unionism. L.; N. Y., 1910, p. 120.

⁴⁷ Crisis, 1834, July 26.

Дублинского кооперативного общества, участвовал в создании шотландской общины «Орбистон». У. Томпсон сотрудничал в Лондонском кооперативном обществе. Крэйг руководил «Ралахайн», Пэйр вел пропаганду в Дублине. Оуэнисты сумели перешагнуть через национальную рознь и настойчиво призывали к этому трудящихся.

В начале 1830-х годов стремительные успехи оуэнистского движения в Англии, казалось, предвещали крушение старых общественных систем. Ближился час всемирного переворота, возвещал центральный орган оуэнистов «Кризис»⁴⁸. В предвидении его в марте 1834 г. последователи Оуэна приняли «Хартию прав человечества». Она предусматривала создание международного конгресса, разрешающего споры между странами, свободный обмен изобретениями, товарами, введение международного языка⁴⁹.

Если способы ликвидации барьеров, разобщающих народы мира, лишь намечались, то с национальной разобщенностью в Британии велась подлинная битва. «Должны ли мы смотреть на нашего собрата как на врага лишь потому, что он родился в другой стране? Деспотизм говорит — да, свобода — нет!» — утверждал «Кризис» в 1833 г.⁵⁰ В этом отрывке истоки национальной розни понимаются иначе, чем в ранних работах Оуэна. Национализм не просто предрассудок, но предрассудок, насаждаемый защитниками старого строя. Трудящиеся, если они стремятся достичь нового нравственного мира, обязаны преодолеть национальные предубеждения, утверждали лидеры оуэнизма. «Было бы весьма желательно, — писала оуэнистская газета «Пионер», — чтобы три слова — «английский, ирландский, шотландский» — были отброшены, а их место заступило слово «британский»⁵¹.

Призывая к сотрудничеству ирландцев и англичан, оуэнисты и в 1830-е годы по-прежнему обходили стороной вопрос о независимости Эйре. Ирландская проблема оставалась для них исключительно проблемой социальной. Но при всей своей слабости оуэнизм, отстававший, пусть несовершенные, идеи интернационализма, был антитезой буржуазному национализму. И не случайно в конце 1830-х годов О'Коннел объявил оуэнистов «врагами Ирландии», угрожая им физической расправой⁵². Но новое поколение ирландских оуэнистов, пришедшее на смену Томпсону и Маккормаку, упорно продолжало начатое ими дело. Не всегда им сопутствовал успех, но, отвергая всякую мысль о тщетности социалистической пропаганды в Ирландии, редактор оуэнистского издания «Нью Морал Уорлд» писал: «Не будем никогда разочаровываться в творении добра, ибо жизнь человеческая, несомненно, посвящена ему. И добьемся ли мы успеха при жизни или умрем с этой мыслью, но это уже наша счастливейшая из побед, плодами которой будут в полной мере наслаждаться наши мудрые и потому более счастливые потомки»⁵³.

⁴⁸ Ibid., 1832, June 20, Aug. 1.

⁴⁹ Ibid., Mar. 1.

⁵⁰ Ibid., 1833, June 1.

⁵¹ Pioneer, 1834, Mar. 22.

⁵² New Moral World, 1843, Jan. 7, Febr. 4, 11; Mar. 18.

⁵³ Ibid., Sept. 2.